

Шиллер Фридрих

**Собрание сочинений Шиллера в
переводах русских писателей**

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Ф88

Ф88 **Фридрих Ш.**
Собрание сочинений Шиллера в переводах русских писателей: Том 2 / Шиллер Фридрих –
М.: Книга по Требованию, 2024. – 493 с.

ISBN 978-5-521-31122-4

ISBN 978-5-521-31122-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

нѣмецкаго. Переводч. Разбойниковъ (Н. Х. Кетчера). Москва. 1830.

3. ЗАГОВОРЪ ФІЕСКО ВЪ ГЕНУѢ. *Трагедія въ пяти актахъ. Соч. Фридриха Шиллера. Переводъ Николая Гербеля. Санктпетербургъ. 1859.*

III.

КОВАРСТВО И ЛЮБОВЬ. *Трагедія 1-на Шиллера, въ пяти дѣйствіяхъ. Переведенная С. Смирновымъ, дѣйствительнымъ членомъ Общества Любителей Россійской Словесности при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ. Москва. 1806.*

То же. Изданіе второе. Москва. 1824.

IV.

МИЗАНТРОПЪ. *Драматическій отрывокъ. Сочиненіе Шиллера. Переводъ *.*. («Московский Вѣстникъ», 1828, ч. XII, стр. 204.)*

Изъ этого списка видно, что названныя драматическія сочиненія Шиллера, не смотря на то, что онѣ написаны прозой и потому не могли представлять особенныхъ трудностей для переводчика, хорошо знакомаго съ нѣмецкимъ языкомъ, были переведены, до выхода въ свѣтъ нашего изданія, по одному — по два раза, не болѣе. Всего удивительнѣе, что «Коварство и Любовь», это симпатическое, глубоко-прочувствованное произведеніе благороднѣйшаго изъ

поэтовъ, въ теченіе слишкомъ полу-столѣтія, считая со времени появленія въ свѣтъ перваго и единственнаго его перевода, не находило досихъ-поръ новаго и болѣе способнаго переводчика. Или, можетъ-быть, русскіе читатели и посѣтители русскихъ театровъ прежняго времени требовали отъ перевода одного интереса содержанія, мало заботясь о художественной сторонѣ произведенія, и потому совершенно удовлетворялись плохимъ и устарѣлымъ переводомъ Смирнова, дожившимъ такимъ образомъ до втораго изданія? Въ такомъ случаѣ, конечно, не было ни какой надобности въ новомъ переводѣ. Въ наше время требованія публики измѣнились; художественный тактъ ея сталъ тоньше, и она едва ли бы удовольствовалась теперь старымъ переводомъ, если бъ трагедія была возобновлена на сценѣ.

О достоинствѣ переводовъ предоставляю судить критикѣ и публикѣ, тѣмъ болѣе, что изъ числа четырехъ пьесъ, составляющихъ содержаніе предлагаемаго тома, двѣ переводы мною. Считаю долгомъ замѣтить лишь одно, что задачей переводчиковъ было сохранить не только вѣншній характеръ, но и внутренній строй подлинника, на сколько это возможно на чуждомъ языкѣ.

Н. ГЕРБЕЛЬ.

20-го февраля 1863 года.

С. Петербургъ.

РАЗБОЙНИКИ

ДРАМА

Переводъ Мих. Мих. Достоевскаго

Quae medicamenta non sanant, ferrum sanat,
quae ferrum non sanat, ignis sanat.

Hippocrates.

Дѣйствующія лица :

МАКСИМИЛИАНЪ ФОНЪ-МООРЪ, владѣтельный графъ.

КАРЛЪ } его сыновья.
ФРАНЦЪ }

АМАЛІЯ ФОНЪ-ЭДЕЛЬРЕЙХЪ.

ГЕРМАНЪ, побочный сынъ одного дворянина.

ШПИГЕЛЬБЕРГЪ }
ШВЕЙЦЕРЪ }
ГРИММЪ }
РАЦМАНЪ } развратные молодые люди, потомъ
ШУФТЕРЛЕ } разбойники.
РОЛЛЕРЪ }
КОСИНСКІЙ }
ШВАРЦЪ }

ДАНИЕЛЬ, дворецкій графа Моора.

ПАСТОРЪ МОЗЕРЪ.

ПАТЕРЪ.

ШАЙКА РАЗБОЙНИКОВЪ.

Мѣсто дѣйствія — Германія; время — около двухъ лѣтъ.

ПЕРВОЕ ДѢЙСТВІЕ.

ПЕРВАЯ СЦЕНА.

Франконія.

Залъ въ замкѣ Мооровъ.

Францъ. Старикъ - Мооръ.

Францъ. Но точно ли вы здоровы, батюшка? Вы что-то блѣдны.

Ст. Мооръ. Здоровъ. Что скажешь?

Францъ. Пришла почта... письмо отъ нашего лейпцигскаго корреспондента...

Ст. Мооръ (*съ живостью*). Вѣсти о Карлѣ?

Францъ. Гм! гм! — да, вѣсти. Но я боюсь... не знаю... долженъ ли... Ваше здоровье... Но точно ли вы здоровы, батюшка?

Ст. Мооръ. Какъ рыба въ водѣ! О моемъ сынѣ пишетъ онъ? Что ты такъ беспокоишься обо мнѣ? — два раза спрашивалъ о здоровьѣ?

Францъ. Если вы больны — имѣете хоть малѣйшее предчувствіе быть больнымъ, то позвольте мнѣ уйти: я выберу другое время. (*Въ сторону.*) Такая вѣсть не для дряхлаго тѣла.

Ст. Мооръ. Боже! Боже! что я еще услышу?

Францъ. Позвольте мнѣ сперва отойти въ сторону и пролить слезы состраданія о моемъ погибшемъ братѣ. Я бы долженъ былъ вѣчно молчать — вѣдь онъ

вашъ сынъ; я бы долженъ былъ вѣчно скрывать его срамъ — вѣдь онъ мой братъ. Но повиноваться вамъ — моя первая, печальная обязанность; потому — простите меня.

Ст. Мооръ. О, Карлъ! Карлъ! когда бъ ты зналъ, какъ поведеніе твое терзаетъ отцовское сердце! когда бъ ты зналъ, что единственная добрая вѣсть о тебѣ придала бы десять лѣтъ къ моей жизни, юношей сдѣлала бы меня!... тогда какъ всякая, ахъ! съ каждымъ шагомъ приближаетъ меня къ гробу!

Францъ. Если такъ, батюшка — прощайте! Эдакъ мы еще нынче будемъ рвать волосы надъ вашими гробомъ.

Ст. Мооръ. Останься! Мнѣ и такъ не долго жить: пусть его, какъ хочетъ!... *(Садясь.)* Грѣхи отцовъ взыщутся въ третьемъ и четвертомъ колѣнѣ... Пусть его довершаетъ!...

Францъ *(вынимаетъ письмо изъ кармана)*. Вы знаете нашего корреспондента? Палецъ съ моей правой руки отдалъ бы я, лишь бы имѣть право сказать, что онъ лжецъ, низкій, ядовитый лжецъ. Соберитесь съ силами. Простите меня, что я не даю вамъ самому читать письмо: вамъ и слышать-то нельзя всего.

Ст. Мооръ. Все, все! Францъ, ты избавишь меня отъ костылей.

Францъ *(читаетъ)*. «Лейпцигъ. 1-го мая. Если бъ «меня не связывало нерушимое обѣщаніе не скрывать «отъ тебя ничего, чтобы я ни узналъ о похожденияхъ «твоего брата, любезный другъ, никогда мое неповинное «перо не причинило бы тебѣ столько горя. Изъ сотни «твоихъ писемъ могу заключить, какъ подобныя вѣсти «должны терзать твое братское сердце. Я будто вижу

«тебя, какъ ты объ этомъ безпутномъ, развратномъ...»
(*Ст. Мооръ закрываетъ лицо руками.*) Видите ли, батюшка! я читаю еще самое сносное... «о развратномъ льешь жгучія слезы...» Ахъ! онѣ текутъ, ручьями стремятся съ моихъ щекъ!... «я какъ будто вижу твоего стараго, почтеннаго отца, какъ онъ, блѣдный, какъ «смерть...» Боже мой! — я въ самомъ дѣлѣ! хотя еще и ничего не знаетъ!

Ст. Мооръ. Дальше! дальше!

Францъ. — «блѣдный, какъ смерть, падаетъ на «стулъ и проклиная день, когда въ первый разъ его «назвали отцомъ. Я не могъ всего развѣдать, и изъ «немногого, что знаю, сообщаю тебѣ только очень «немного. Твой братъ, кажется, ужь преисполнилъ мѣру «своего безстыдства; я, по-крайней-мѣрѣ, не могу ничего придумать, чего бы ужь онъ не сдѣлалъ, если «только его гений въ этомъ отношеніи не превосходитъ «мой собственный. Вчера ночью, надѣлавъ на сорокъ «тысячъ дукатовъ долгу...» Славныя денежки, батюшка! — «обезчестивъ еще прежде дочь здѣшняго банкира, и «смертельно ранивъ на дуэли ея жениха, добраго молодого человека хорошей фамиліи, онъ, съ семьей другими, вовлеченными имъ же въ распутную жизнь, бѣжалъ отъ рукъ правосудія.» Батюшка! ради Бога! батюшка, что съ вами?

Ст. Мооръ. Довольно, перестань!

Францъ. Я щажу васъ. — «За нимъ послана погоня; оскорбленные громко вопіютъ объ удовлетвореніи; его голова опѣнена; имя Мооровъ...» Нѣтъ, мой блѣдный языкъ да не будетъ отцеубійцею! (*Разрываетъ письмо.*) Не вѣрьте, батюшка! не вѣрьте ему ни въ одномъ словѣ!

Ст. Мооръ *(горько плачетъ)*. Мое имя! мое честное имя!

Францъ *(падаетъ къ нему на грудь)*. Безчеловѣчный, тысячу разъ безчеловѣчный Карлъ! Я словно предчувствовалъ это, когда онъ еще мальчикомъ все увивался около женщинъ, таскался съ мальчишками и всякою сволочью по лугамъ и горамъ, отъ церкви бѣгалъ, какъ преступникъ отъ темницы, и бросалъ деньги, которыя онъ всегда умѣлъ выконючивать, первому встрѣчному нищему въ шляпу, тогда какъ мы назидали себя молитвами и чтеніемъ священныхъ книгъ. Я словно предчувствовалъ это, когда онъ гораздо охотнѣе читалъ жизнеописаніе Юлія Цезаря, Александра Великаго и другихъ такихъ же безбожныхъ язычниковъ, чѣмъ исторію благочестиваго Товіа. Я вамъ сто разъ предсказывалъ это, потому что моя любовь къ нему не выходила никогда за черту сыновнихъ обязанностей: этотъ малый насъ всѣхъ ввергнетъ въ срамъ и гибель! О, если бы онъ не носилъ имени Мооровъ! если бы мое сердце не билось такъ сильно для него! Безбожная любовь, которой я не въ силахъ уничтожить, будетъ еще нѣкогда свидѣтельствовать на меня передъ престоломъ Судін.

Ст. Мооръ. О, мои планы! мои золотые грѣзы!

Францъ. Это ужъ мы слышали. Вотъ объ этомъ-то я сейчасъ и толковалъ. Пылкій духъ, который бродитъ въ мальчикѣ, говаривали вы всегда, который заставляетъ его сочувствовать всему великому и прекрасному, эта откровенность, отражающая, какъ въ зеркалѣ, его душу во взорахъ, эта мягкость чувства, расплавающая его, при каждомъ страданіи, въ слезливую симпатію, этотъ мужественный духъ, заставляющій его карабкаться по вершинамъ столѣтнихъ дубовъ, переска-

кивать черезъ рвы и палисады и гремучіе потоки, это дѣтское честолюбіе, это непреклонное упрямство и все эти прекрасныя, блестящія добродѣтели, которыя росли въ батюшкиномъ сынкѣ, сдѣлають изъ него нѣкогда вѣрнаго друга, примѣрнаго гражданина, героя, великаго, великаго человѣка! Вотъ вамъ и великій человѣкъ, батюшка! Пылкой-то духъ и развился и расширился; нечего-сказать, прекрасныя плоды принесъ онъ. Видите ли, эта откровенность — какъ она мило переродилась въ дерзость; эта мягкость — какъ нѣжно вьется она около какетокъ, какъ сочувствуетъ прелестямъ какой-нибудь Фрины; видите ли, этотъ пламенный геній — какъ чисто въ шесть какихъ-нибудь годочковъ до того выжегъ масло его жизни, что на немъ остались лишь кожа да кости, а люди такъ безсовѣстны, что говорятъ: *c'est l'amour, qui a fait ça!* Полюбуйтесь-ка на эту смѣлую, предпримчивую голову, какъ она куетъ и выполняетъ планы, предъ которыми блѣднѣють геройскіе подвиги Картушей и Говардовъ! А когда эти прекрасныя сѣмена дорастутъ до своего полного развитія!... Теперь отъ его молодыхъ лѣтъ нельзя же и требовать ничего совершеннаго? Можетъ-быть, батюшка, доживете вы еще до радости увидѣть его предводителемъ войска, которое квартируетъ въ священной тиши дремучихъ лѣсовъ и облегчаетъ усталаго путника на половину его ноши; можетъ-быть, прежде нежели сойдете въ могилу, вы успѣете еще совершить странствіе къ его мопументу, который онъ создаетъ себѣ между небомъ и землею; можетъ-быть... О батюшка, батюшка, батюшка! — хлопочите о другомъ имени, а то все мальчишки и разношники, видѣвшіе портретъ вашего сына на лейпцигскомъ рынкѣ, станутъ указывать на васъ пальцами.

Ст. Мооръ. И ты также, Францъ? и ты также? О, дѣти, дѣти! какъ вы мѣтко попадаете въ мое сердце!

Францъ. Видите, и я могу быть остроумнымъ; но мое остроуміе — жало скорпіона. Ктому жъ этотъ сухой, псеидевный человѣкъ, этотъ холодный, неотесанный Францъ — какъ бишь вы еще меня тамъ называли въ контрасть съ своимъ любимцемъ, когда онъ сидѣлъ у васъ на колѣнахъ и пощипывалъ ваши щеки — тотъ и умереть и истлѣть въ четырехъ стѣнахъ и забудуть-то всѣ о немъ, тогда-какъ слава этаго универсальнаго генія промчится отъ полюса къ полюсу. О! съ сокрушеннымъ сердцемъ благодарю тебя, Создатель, что холодный, сухой, неотесанный Францъ не похожъ на него!

Ст. Мооръ. Прости меня, сынъ мой! Не сердись на отца, обманувшагося въ надеждахъ. Господь, посылающій мнѣ слезы черезъ Карла, осушить ихъ черезъ тебя, мой Францъ.

Францъ. Да, батюшка, онъ осушить ихъ. Вашъ Францъ пожертвуетъ своею жизнію, чтобъ продлить вашу собственную. Ваша жизнь — для меня оракулъ, который всегда вопрошаю передъ всякимъ предпріятіемъ, зеркало, въ которомъ я все созерцаю. Нѣтъ долга для меня столь священнаго, котораго бы я въ мигъ не нарушилъ, когда дѣло идетъ о вашей драгоценной жизни. Вѣрите ли вы мнѣ, батюшка?

Ст. Мооръ. На тебѣ лежатъ еще большія обязанности, Францъ. Богъ да благословить тебя за все, чѣмъ ты мнѣ былъ и будешь!

Францъ. Ну скажите жъ теперь, если бъ вы этаго сына не называли своимъ, вы были бы счастливымъ человѣкомъ?